

Говоря это, Чжао Баи краем глаза косился на умывавшегося в углу Чжана Даданя. Стоило тому услышать разговор, как рука с полотенцем вздрогнула, и оно шмякнулось обратно в таз с водой. Баи мысленно усмехнулся. Вспомнив о вчерашней таинственной записке, он быстро, но вежливо извинился перед Ли Дуном, уладив неловкость, и потащил за собой Ван Эрмао. Пора было возвращаться в расположение четвёртого отделения: во-первых, нужно было сменить насквозь промокшие штаны — на лютom зимнем сквозняке его уже колотило от холода.

Во-вторых, он рассчитывал наконец-то прочитать записку. Но стоило ему натянуть сухие штаны, как прозвучала команда к экстренному построению, и его буквально вымело из кубрика вместе со всеми.

Выстроившись на плацу на самом ветродуе, Баи окинул взглядом туманное серое небо. Мороз стоял свирепый, градусов под двадцать ниже нуля. Однако внутри у парня всё полыхало. Сегодня должен был раскрыться настоящий виновник, и Баи колотило уже не от ледяного ветра, а от жгучего, нетерпеливого предвкушения.

Предчувствие его не обмануло: взводный Ван Ан собрал их именно из-за того происшествия. На морозе его красивое лицо побледнело, но кожа оставалась поразительно гладкой — редкий природный дар, не требующий никакого ухода.

Он держался прямо и гордо, словно цветущая мэйхуа на ледяном ветру — недостижимый и строгий. В этот миг Чжао Баи показалось, что Ван Ан одновременно и близко, и бесконечно далеко, словно кинозвезда на экране: смотреть можно, а прикоснуться не позволяет невидимое стекло.

«Эх... Вот бы этот мужчина стал моим! Ради одного этого стоило тянуть нелёгкую солдатскую ляжку»

— По поводу инцидента, который произошёл семнадцатого января... Виновник найден.

По строю мгновенно прокатился приглушённый гул. Солдаты переглядывались, шептались, пытаясь угадать имя паршивца, но Ван Ан зычно скомандовал:

— Смирно!

Шум тут же оборвался.

— Рядовой Чжан Дадань, выйти из строя!

Низко опустив голову, Чжан Дадань поплёлся вперёд и застыл перед взводным, словно обвинённый на суде. Все, кроме Чжао Баи и помощника командира отделения Юаня Бинхуа,

остолбенели, уставившись на эту «серую мышь» четвёртого отделения. У У Юна от изумления и вовсе отвисла челюсть. Кого угодно могли заподозрить в четвёртом отделении, но только не этого безобидного тихоню. Кто бы мог подумать, что за маской слабовольного недотёпы скрывается такой изворотливый и злопамятный человек?

Ли Дун от злости едва зубами не заскрежетал. Из-за того, что этот трус столько времени отмалчивался, на него самого чуть не навесили клеймо предателя. Он яростно зыркнул на Сунь Дунлиня, всем видом выражая своё возмущение.

«Ну что, съел, умник хренов? Понял теперь, что это не я? А ты из себя праведника строил!»

Сунь Дунлинь отвёл взгляд, не решаясь посмотреть Ли Дуну в глаза. Тоже мне, сыщик выискался — решил поиграть в детектива, а в итоге сел в лужу. Да уж, армия — действительно место, где в тихом омуте черти водятся. Кто бы мог подумать, что даже робкий Чжан Дадань окажется двуличной тварью? Теперь от каждого сослуживца можно ожидать ножа в спину.

— Чжан Дадань, зачем ты это сделал?

Стоя перед строем, Чжан Дадань зажмурился, и по его щекам потекли слёзы. Но для парней из четвёртого отделения это были лишь дешёвые крокодиловы слёзы, не заслуживающие ни капли жалости. Впрочем, пинать лежащего никто не стал — всё-таки из одного кубрика.

— Я... я завидовал Ван Эрмао, — всхлипывая, выдавил Чжан Дадань. — Завидовал, что его напарником по «Красной паре» стал Чжао Баи...

Чжао Баи передёрнуло. И дело было вовсе не в ледяном ветре. Вспомнив вчерашний поцелуй, он мгновенно считал двойной смысл в словах Чжана Даданя. Но гордиться тут было абсолютно нечем. Паршиво всё это. Мерзко и неправильно.

«Выбрал бы этот придурок глухую ночь, чтобы признаться во всём с глазу на глаз, я бы просто объяснил ему, что мы можем быть только товарищами по службе, но не любовниками»

Это был бы мягкий отказ, сохранивший армейскую дружбу. Но сейчас Чжао Баи испытывал лишь брезгливость.

«Урод ты желчный! Такие подлецы заслуживают самого сурового наказания! Твоё место на утиной ферме — дерьмо за птицами всю жизнь выгребать! Ты даже мизинца моего не стоишь, ничтожество!»

А Чжан Дадань тем временем продолжал скулить:

—... А мой напарник, У Юн, мне никогда не помогал! Из-за него я вечно плёлся в самом хвосте! Я понимал, что с такими показателями меня до конца службы отправят свинарники чистить.

Но почему? Почему Эрмао везёт? Мы ведь из одного уезда, из одной деревни призывались! Почему он тренируется с оружием, а я должен копать в навозе?

Чжан Дадань зарыдал в голос. Чжао Баи лишь брезгливо поморщился. И чего реветь? Себя, несчастного, жалко стало? Совесть замучила? Как же, держи карман шире! Этот подонок и сейчас искренне считает, что во всём виноваты другие.

«Чжан Дадань... Смелчак, значит. Ну и времечко угадал твой отец с именем! Наглости тебе и впрямь не занимать»

Захлёбываясь слезами, Дадань путано изливал душу — жаловался на несправедливость судьбы, зависть к Ван Эрмао и обиду на У Юна. И лишь под конец нехотя перешёл к тому, как именно подстроил кражу.

— Вот я и решил подставить Эрмао... Думал, ему просто объявят строгий выговор. Я не знал, что поднимется такой шум! Если бы я только мог подумать, к чему это приведёт, я бы никогда... никогда на это не пошёл!

Чжао Баи молча смотрел на него. Чжан Дадань рыдал навзрыд — тихо, утыкаясь подбородком в грудь, размазывая по лицу слёзы вперемешку с соплями, которые лились из него ручьём. Баи никогда не считал себя чёрствым, но у него были чёткие принципы.

Оступиться может каждый. Но совершить подлость и винить в этом весь мир, пытаюсь выставить себя жертвой обстоятельств — это не просто глупость, это крайняя степень душевного уродства. Чжао Баи не испытывал к бывшему товарищу никакой жалости. Тот вызывал лишь глубокое, глухое отвращение.

<http://bllate.org/book/18247/1764845>